

Инновации в области оценки: семантические трансформации неологических универбов

А. В. Батулина

Innovations in the field of evaluation: semantic transformations of neological univerbs

A. V. Batulina

Анна Валерьевна Батулина – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: b.av@bk.ru

Статья поступила: 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

В статье рассматриваются изменения семантической структуры неологических производных существительных, образованных способом универбации. Основное внимание уделяется анализу семантических трансформаций, происходящих в универбах, мотивированных высокочастотными в современном русском языке прилагательными. Поскольку анализируемые производные в своих конкретно-предметных значениях восходят к устойчивым атрибутивно-субстантивному словосочетаниям, в настоящей работе соответствующие лексемы рассматриваются как образованные способом универбации. В то же время отмечается, что словообразовательный статус отадективных производных с предельно широким значением является неопределенным, поскольку их невозможно соотнести с конкретной неоднословной номинацией. Как представляется, активизация процесса повторной деривации универбов связана с уникальным свойством универбации как способа словообразования – отсутствием именного компонента производящего атрибутивно-субстантивного словосочетания в морфемной структуре производного. В ходе анализа контекстов употребления универбов в Национальном корпусе русского языка выделены два типа семантических изменений, порождаемых повторной реализацией словообразовательной модели. К первому типу относится специализация значения, имеющая следствием возникновение нового предметного лексико-семантического варианта, ко второму – появление предельно широкого признакового значения вследствие утраты дифференциальных семантических признаков и конкретной денотативной отнесенности. Большинство рассматриваемых универбов совмещает в пределах одной лексемы значения лица и предмета. Предметное или признаковое значение является первичным, значение лица – вторичным. Анализируемые процессы рассматриваются как языковое проявление идеологических и понятийно-концептуальных изменений в лексике, обусловленных социальными изменениями рубежа XX–XXI столетий.

Anna V. Batulina – PhD in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID 0000-0001-6341-5965

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

The article discusses the changes in the semantic structure of neological derivatives of nouns formed by the method of univerbation. The main attention is paid to the analysis of semantic transformations occurring in univerbs motivated by high-frequency adjectives in modern Russian. Since the analyzed derivatives in their concrete-subjective meanings go back to stable attributive-substantive word combinations, in this paper the corresponding lexemes are considered as formed by the method of univerbation. At the same time, it is noted that the word-formation status of adjective-based derivatives with an extremely broad meaning is uncertain since they cannot be correlated with a specific ambiguous nomination. It seems that the activation of the process of repeated derivation of univerbs is associated with the unique property of univerbation as a method of word formation, which is the absence of a nominal component of the attributive-substantive word combination in the morphemic structure of the derivative. In the course of analyzing the contexts of the use of univerbs in the National Corpus of the Russian language, two types of semantic changes generated by the repeated implementation of the word-formation model are identified. The first type is the specialization of meaning, which results in the emergence of a new subject lexical-semantic variant, the second one is the appearance of an extremely broad characteristic meaning due to the loss of differential semantic features and a specific denotative attribution. Most of the considered univerbs combine the meanings of a person and an object within one lexeme. The subject or feature value is primary, the person value is secondary. The analyzed processes are considered as a linguistic manifestation of ideological and conceptual changes in vocabulary caused by social changes at the turn of the 20th–21st centuries. Univerbs motivated by "fashionable" adjectives are in demand in the language of mass media and colloquial speech as a means of nomination and evaluation of current realities expressing the values of consumer society including the idea of high social status, commercial use, demonstrative success, etc.

Мотивированные «модными» прилагательными универбы являются востребованным в языке СМИ и разговорной речи средством номинации и оценки актуальных реалий, выражающих ценности общества потребления: идею высокого социального статуса, коммерческого использования, демонстративной успешности и т.п.

Ключевые слова: универбация, универб, словообразование, лексическая семантика, коннотация

УДК 81'37

Keywords: univerbation, univerb, word formation, lexical semantics, connotation

OECD: 6.020T

V

Постановка проблемы. Активизация в языке последних десятилетий образования производных от основ иноязычных слов отмечается во многих исследованиях по лексикологии и дериватологии [Земская, 1981, с. 80], [Нещименко, 2010, с. 126], [Ольховская, 2016, с. 14], [Костомаров, 1995, с. 255]. Достаточно подробно описаны лексико-

семантические группы неологической лексики, узуальные и окказиональные словообразовательные модели, активно использующиеся в русском языке рубежа веков [Дозорова, 2015], [Гвоздева, 2018]. Как представляется, в меньшей степени изучены семантические процессы, происходящие со словообразовательными неологизмами в процессе их функционирования: развитие полисемии, расширение или сужение значения, архаизация отдельных лексико-семантических вариантов, детерминологизация и др.

Предметом рассмотрения в настоящей статье стали семантические трансформации отадекватных производных существительных, образованных путём повторной реализации словообразовательной модели, при которой «та же самая морфемная рамка используется для новой реалии, в названии которой актуализируются схожие признаки» [Земская, 2014, с. 201-202].

История вопроса.

Способность одного и того же производного соотноситься с различными мотивирующими словосочетаниями – весьма распространенное явление в сфере универбации, что неоднократно отмечалось исследователями. В литературе по словообразованию случаи типа *вечёрка* – ‘вечерняя газета’, ‘вечерняя смена’ рассматривались либо как омонимия [Капанадзе, 1973, с. 410], либо как полисемия [Виноградова, 1984, с. 43], [Осипова, 2014, с. 115]. Е. А. Земская называет этот процесс особым типом варьирования в сфере словообразования и связывает его со стилистической дифференциацией языка [Земская, 2014, с. 203]. В настоящее время в дериватологии и лексикологии преобладает точка зрения, согласно которой в результате многократных актов деривации по одной и той же словообразовательной модели формируются разные значения многозначного производного слова. Несмотря на разную референциальную отнесенность, полисемантические

суффиксальные универбы мотивируются одним и тем же прилагательным. Приобретая грамматическую форму существительного, основной смысл универб заимствует у имени прилагательного.

Языковой статус получивших широкое распространение в русском языке последних десятилетий производных от основ иноязычных прилагательных типа *нелегал, эксклюзив, интим, неадекват* является неопределённым. В академических грамматиках мотивированные устойчивыми словосочетаниями существительные квалифицируются как суффиксальные производные от основ прилагательных. Так, в РГ–80 к «существительным..., имеющим значение ‘носитель признака, названного мотивирующим прилагательным’» относятся «...*гуманитар* ‘специалист гуманитарного профиля’, *огнеупор* ‘огнеупорный материал’, *криминал, централ* ‘центральная тюрьма’ (стар.), *демисезон* (пальто)...» [Русская грамматика, 1980, с. 225]. В то же время отмечается, что «многие образования этого типа – синонимы **словосочетаний** (выделено нами – А. Б.) с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова: *синхрон, термояд, ультрафиолет*» [Русская грамматика, 1980, с. 225].

Е. А. Земская не сопровождающийся присоединением суффикса процесс образования производных существительных на базе словосочетаний (*факультативный курс – факультатив, демисезонное пальто – демисезон*) относит к одновременному действию усечения и универбации [Земская, 1981, с. 122]. Универбация в цитируемой работе определяется как «образование существительных ... от основ прилагательных на базе сочетаний ‘прилагательное + существительное’, являющихся семантической конденсацией последних... ‘*Вечерняя Москва*’ – ‘*Вечёрка...*, ‘*попутная машина*’ – ‘*попутка*’ [Земская, 1981, с. 120]. Среди способов образования анализируемых производных называются также универбация с нулевой суффиксацией [Сенько, 2007, с. 225], усечение [Копоть, 2021, с. 108], [Осипова, 2014, с. 33], бессуффиксный способ [Костомаров, 1995, с. 255].

Возможность двоякой интерпретации деривационного процесса, действующего при образовании отадъективных производных данного типа, по мнению Г.П. Нещименко, обуславливается, во-первых, «идентичной словопроизводственной схемой», а во-вторых – возможностью их соотнесения как с мульти-, так и с одноклассовыми производными: «русское *страховка* может интерпретироваться и как универб (по отношению к *страховой полис*), и как суффиксальный дериват, соотносимый со *страховать*» [Нещименко, 2010, с. 126]. Отличие суффиксальных производных от универбов видят в характере семантической связи производных с мотивирующим мультивербом: «если универбы связаны с мотивирующим словосочетанием в синхронии, то суффиксальные производные – в диахронии» [Там же].

Таким образом, принципиальным при разграничении универбации и суффиксации, универбации и усечения является вопрос о количественном и качественном составе производящей базы. При универбации это словосочетание, обладающее целостностью и устойчивостью значения: *ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет, маршрутное такси – маршрутка*. При суффиксации или усечении мотивирующим является однословное наименование: *третий – треть, нормальный – норм*.

Методология и методика исследования. При описании семантической структуры полисемантических существительных, образованных способом универбации, использовался описательный метод, компонентный анализ, контекстуальный анализ медиатекстов.

Источниками материала исследования послужил Газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), российские медийные тексты за период с 2000 по 2022 г., записи живой разговорной речи. При анализе материала учитывалась лексикографическая интерпретация универбов в современных толковых словарях: «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова (далее – БТС) и «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г. Н. Скляревской (далее – ТСРЯ).

Анализ материала. В современном русском языке образование бессуффиксных универбов является активным и продуктивным процессом. По нашим наблюдениям, универбация с нулевой суффиксацией, конкурируя с «традиционной» суффиксальной универбацией, вытесняет последнюю. Так, универбы *корпоратив, интенсив, эксклюзив, академ, криминал, виртуал, позитив* заменили в современной речи свои суффиксальные кодериваты *корпоративка* [ТСРЯ, 2008, с. 503], *интенсивка* [Циньсян, 2019, с. 189], *эксклюзивка* [Циньсян, 2019, с. 224], *академичка* [Циньсян, 2019, с. 170], *криминалка* [Циньсян, 2019, с. 195], *виртуалка* [Циньсян, 2019, с. 177], *позитивка* [Циньсян, 2019, с. 211]. Преимущества универбов без материально выраженного суффикса, на наш взгляд, очевидны: экономия речевых усилий, отсутствие стилистической отмеченности, привносимой в производное суффиксом *-к(а)*. Так, *дистант*, в отличие от *дистанционки*, может свободно употребляться и в официальной речи.

Возникшие на базе устойчивых словосочетаний универбы совмещают значение определенного объекта и его качественную характеристику, обусловленную семантикой производящего прилагательного: *пилотный проект – пилот, неадекватный человек – неадекват*. Как показал анализ контекстов НКРЯ, в процессе своего функционирования в речи образованные путем универбации существительные могут терять связь с мотивирующим словосочетанием, «отрываться» от прежнего денотата и использоваться как средство номинации новых

обозначаемых. Поскольку при универбации именной компонент производящего адъективно-субстантивного словосочетания не входит в морфемную структуру производного, универбы относятся к группе словообразовательных моделей, использующимся как «конструктивные рамки, заполняемые в разные периоды истории языка одним и тем же морфемным, но разным лексическим наполнением» [Земская, 2014, с. 200]. Например, *экслюзив* – это и ‘экслюзивная продукция’, и ‘экслюзивное право’, и ‘экслюзивная дистрибуция’, и ‘экслюзивный информационный материал’, и ‘экслюзивный случай’.

На наш взгляд, можно выделить как минимум два пути появления полисемантических универбов.

Первый путь – усвоение производными многозначности производящего прилагательного, так называемая «отраженная» полисемия. Например, универб *интим* в значении ‘что-то личное’ соотносится с первичным лексико-семантическим вариантом прилагательного *интимный* ‘касающийся личной жизни человека, его отношений с близкими людьми’ (БТС): *В США, Европе и России рабочие «подарочные» принципы примерно одинаковы. Нельзя ‘интим’: белье, мыло, чулки, парфюм и т. д.* (М. Аникеева. Начальник – это ребенок: на Новый год оставишь без подарка – обидится // Комсомольская правда, 2003.12). В устойчивом выражении *интим не предлагать* реализуется вторичное значение мотивирующего *интимный* ‘касающийся близких отношений между мужчиной и женщиной’ (БТС).

Второй путь формирования полисемии производного слова – неоднократное действие словообразовательной модели, в которой адъективное производящее, выступая в одном из своих значений, образует устойчивые сочетания с разными субстантивными компонентами. Так, развитие переносного значения ‘негативные эмоции’ универба *негатив* в выражениях *испытывать (чувствовать, транслировать) негатив*, не может интерпретироваться как факт отражённой полисемии, поскольку «эмоциональное» значение отсутствуют у прилагательного *негативный*. Ср.: *негативный*: ‘отрицательный (противоп. позитивный)’ (БТС).

В то же время, как показывают многочисленные исследования семантики производного слова [Кубрякова, 2008, с. 154], процесс формирования лексического значения деривата носит индивидуальный характер и в пределах одного словообразовательного типа определяется семантическим взаимодействием конкретной производящей основы и форманта.

Многие анализируемые универбы мотивированы «модными» прилагательными – наиболее актуальными, значимыми и популярными в медиатекстах словами: *позитивный, негативный, креативный, эксклюзивный, интенсивный* и под. Возникая в профессиональной или жаргонной речи, универбы анализируемого типа быстро преодолевают стилистическую ограниченность,

избавляются от отрицательной оценочности. Высокая частотность употребления и, как следствие, расширение сочетаемостных возможностей обусловила расширение значения соответствующих производных. Появившиеся вторичные значения зачастую не описываются существующими толковыми словарями.

Так, в БТС представлено единственное значение слова *позитив*: 'фотографическое изображение'. По данным ТСРЯ, производное *позитив* имеет значение 'положительный результат каких-либо действий; положительное начало' [ТСРЯ, 2008, с. 741], восходящее к переносному значению мотивирующего прилагательного *позитивный* – 'положительный; противоп. негативный' [БТС]. Контексты употребления слова *позитив* в НКРЯ демонстрируют развитие его значения в сторону расширения положительной оценки и приобретения мелиоративных коннотаций: *позитив* – «нечто прогрессивное, радостное, доброе». Ср. наблюдение над изменением значения прилагательного *позитивный* в «Словаре модных слов» В. Новикова: «Прилагательное 'позитивный' ещё недавно имело два значения: 'основанный на фактах, на опыте' и 'положительный'. Теперь, пожалуй, пора добавить третье: 'нацеленный на добро, оптимистичный' [Новиков, 2019, с. 165-166]. *Позитив* в составе конструкций *настроиться на позитив, излучать позитив, транслировать позитив, быть на позитиве* имеет значение 'положительные эмоции': *Когда ваша жизнь наполнена, когда вам интересно жить, вы излучаете такой мощный позитив, такую радугу эмоций, которая делает вас не просто красивым, а особенным, чудесным, привлекательным* (В. Иванова. Красивым быть не запретишь // Психология на каждый день, 2010). Данное значение подкрепляется распространившимся одновременно с «эмоциональным» значением *позитива* словоупотреблением *позитивный человек* 'оптимистичный, радостный, излучающий добро': *Мы разговаривали 20 минут, в общении он приятный, очень весёлый, очень позитивный человек, мы много смеялись* (Внук Королева раскрыл разговор с Маском // Lenta.ru, 2020.07).

Сходные семантические трансформации в процессе своего употребления претерпел универб *негатив*. Сохраняя отмеченное словарями значение 'отрицательная (часто порочащая) информация о ком-чем-л.; вообще отрицательные факты, сведения' [ТСРЯ, 2008, с. 646], *негатив* употребляется для обозначения отрицательной реакции на чьи-либо действия, высказывания, а также широкого спектра отрицательной оценки: *В соцсетях это вызвало волну негатива и критических замечаний* (Сенатор призвал разработать «антиковидный паспорт» федерального образца // Парламентская газета, 2021.01). *Негатив*, употребляясь с глаголами *транслировать, испытывать*, так же, как и *позитив*, используется для характеристики отрицательных эмоций: *Когда я смотрю на вас при общении, а вы смотрите на меня, то вы чувствуете, как я к вам отношусь: принимаю ли ваше*

существование или, например, я равнодушна к вам, или же **транслирую негатив** (Н. Чернова. «Подросток остался без опоры. А что делать со смертью? Ему кажется, что можно с ней играть» // Новая газета, 2016.05).

Однако применительно к эмоциональной сфере *негатив*, в отличие от *позитива*, преимущественно указывает на рациональный тип оценочной реакции: *При этом, как пишет РБК, цитирующее данные опроса, уменьшается негативное отношение россиян к США и Европе. Хотя, согласно опросу, к ним до сих пор испытывает негатив более половины населения РФ, этот процент, тем не менее, снижается* (Московский комсомолец, 2016.11).

Менее частотным в НКРЯ и не связанным с характеристикой эмоционального состояния оказалось и словоупотребление *негативный человек* – ‘недостойный, плохой’: – *Я не могу сказать, что он совсем **негативный человек**, – говорит о бывшем сослуживце Симаков. – Он любит везде искать правду, справедливость и жаловаться. Но сейчас он абсолютно не прав!* (А. Горбунов. Участник Панджшерских операций в Афгане: «Четверо солдат действительно замерзли. Но в мёртвых никто не стрелял!» // Комсомольская правда, 2013.02).

В качестве модного оценочного слова в разговорной речи и в языке СМИ стал использоваться полисемантический универб *криминал*. В ТСРЯ, наряду с восходящими к значению мотивирующего прилагательного ‘уголовное дело, преступление’, ‘криминалитет’, у производного *криминал* отмечено признаковое значение: ‘обычно с отрицанием. О чем-либо, вызывающем общественное осуждение, нарушающем какие-либо нормы’ [ТСРЯ, 2008, с. 516–517]. Как показывают контексты НКРЯ, компоненты ‘общественное’, ‘нарушающее нормы’ перестают быть составляющими семантической структуры описываемого лексико-семантического варианта, который используется для указания на ‘что-то нежелательное’, ‘что-то необычное’, ‘что-то плохое’, ‘что-то, совершенное со злым умыслом’: *Мотивировали они это ещё притчей «ну это зубы нижние... то, что асимметрия отсутствует – видно не будет ведь (ага... с такой перекошенной челюстью поди осмелишься улыбнуться... : о) У меня зубы скученные, хотя в Ортодонте сказали, что у меня совсем **не криминал**... с одной стороны 1 степень из 4, с другой – 2 степень, т.е. я ещё «цветочек»* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)).

Оценочное значение универб может реализовывать и вне отрицательных конструкций: *По словам Лисовца, он почувствовал недомогание: несколько дней у него была повышенная температура <...>. Однако, по словам стилиста, «это все в прошлом», сейчас у него всё в порядке. «Сейчас всё идёт на улучшение, никакого криминала нет, – добавил он. – Самый большой **криминал** – это подлость людей, а ещё и врачей, которые сливают эту информацию»* (Владислав Лисовец подтвердил, что болен коронавирусом // Vesti.ru, 2020.05). В словоупотреблении

криминальный человек представлено прямое значение прилагательного *криминальный* 'связанный преступностью' [БТС].

Универб **эксклюзив** в силу своей употребительности в медиатекстах не раз становился объектом внимания исследователей. О расширении денотативного пространства этого модного оценочного слова и его связи с идеей высокого социального статуса писали в работах [Ермакова, 2008, с. 72], [Новиков, 2019, с. 311]. По мнению М. Кронгауза, «*эксклюзивный*, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный» [Кронгауз, 2018, с. 57]. Действительно, как показывают контексты НКРЯ, *эксклюзив* может обозначать самые разнообразные продукты в широком смысле этого слова: одежду, обувь, аксессуары, технические новинки, фильмы, спектакли, информационные материалы. В то же время, как представляется, у этого универба можно выделить несколько переносных значений, пока не отмеченных словарями. Ср.: *эксклюзив* – 'то, что наиболее предпочтительно; что характеризуется исключительностью, неординарностью; эксклюзивный материал, эксклюзивная продукция' [ТСРЯ, 2008, с. 1089-1090]. В экономическом дискурсе *эксклюзив* регулярно употребляется в терминологическом значении 'эксклюзивное право': «*ЛитРес* потерял **эксклюзив** на книги издательской группы («ЭКСМО-АСТ» сделала электронную копию // Коммерсант, 2020.01). В рекламных текстах *эксклюзив* обозначает 'продукцию, сделанную специально для какого-либо лица или организации': «*Под эксклюзивами мы понимаем не только эксклюзивную дистрибуцию. Наиболее востребованное среди наших клиентов направление – коллекции, создаваемые брендами специально для ЦУМа и российских покупателей*» (Мировая премьера коллекции Vetements Star Wars состоится в московском ЦУМе // Ведомости, 2019.12).

Универб **креатив** в проекте М. Эпштейна «Слово года» в 2007 г., наряду с другими неологизмами, которые, по мнению авторов проекта, используются для подмены и извращения понятий, попал в номинацию «Антислово». В ТСРЯ *креатив* рекомендуется соотносить со сферой торговли и рекламой: *креатив* – 'Спец. творческое решение, используемое для продвижения товаров, услуг, брендов (обычно в рекламе)' [ТСРЯ, 2008, с. 511-512]. Расширив своё денотативное пространство, слово *креатив* приобрело значение 'что-то новое, интересное, нестандартное', 'обмен идеями', т.е. стало обозначать и качество, и процесс, и результат: *Итальянский бренд Montegrappa с тиражом своих ручек более аккуратен. Какие-то безумные количества в рамках лимитированной серии не заявляются. Другое дело, что самих этих серий выпускается большое количество, то есть сама лимитированная серия от Montegrappa не редкость. Но среди этого **креатива** случаются по-настоящему интересные издания (Хороший подарок для гедониста // Коммерсант, 2020.06); *Перед матчем сборная лишилась**

ответственного за **креатив** в полузащите – Александр Головин получил травму (Е. Бакин. Россия разгромно проиграла Бельгии // lenta.ru, 2019.11).

В терминологическом употреблении **креатив** используется для указания на компанию или организацию, выпустившую тот или иной продукт: *В Москве были размещены пять перетяжек. **Креатив** – компания «Джамиль Ко»* (Новости // Наружная реклама России, 17.08.2000).

Таким образом, судя по контекстам употребления слова **креатив** в НКРЯ, понятие «креативность» включает в себя самые разные составляющие. В то же время компоненты ‘нестандартный’, ‘творческий’, ‘оригинальный’, а также ‘имеющий коммерческую направленность’ могут и не присутствовать в лексическом значении соответствующей лексемы. «Креативность» нередко приобретает ироническое звучание: *Теперь священники будут пугать алиментщиков Страшным судом. Идея принадлежит начальнику службы приставов города Тосно Ленинградской области Валерию Кочергину. Среди коллег его маленькое управление имеет репутацию всероссийской кузницы **креатива*** (Д. Виноградов, В. Кочергин. 7 вопросов Валерию Кочергину, судебному приставу // Русский репортер, №25 (104), 02-09.07, 2009); *Следовательно, цензура нужна, но до маразма не доводить – не ставить узкие рамки, а лишь отсеивать явный **«креатифф»*** (Форум: О детях и национализме). Применительно к человеку определение **креативный** наделено положительной коннотацией.

Характеризуя сочетаемость анализируемых лексем, следует отметить тенденцию к образованию экспрессивных сочетаний с неологическими универбами, например, *чистый (абсолютный) эксклюзив, полный (полнейший) / откровенный неадекват, сплошной негатив, жирный (жирнющий) эксклюзив: У нас очень **жирнющий эксклюзив*** (Признавшийся в любви к Собчак Богомолов спровоцировал слухи о свадьбе // lenta.ru, 2019.08).

Усиление экспрессивности универба может происходить и в результате присоединения к нему префиксоида со значением интенсивности, например, *Изучите предложения разных школ: по тематике бывают курсы бизнес-английского, для туристов, для подготовки к экзаменам, разговорные... И по темпам: интенсив, **суперинтенсив**, занятия раз в неделю, по выходным* (Ю. Смирнова. Отправляемся за языком // Комсомольская правда, 2006.09).

Результаты исследования. В ходе исследования описаны различные изменения в семантической структуре неологических универбов, которые можно свести к двум основным типам: утрате денотативных сем и появлению нового широкого оценочного значения или к специализации значения, обусловленной освоением нового денотативного пространства. При этом разные значения полисемантического универба связаны друг с другом общностью производящей

адъективной основы, т.е. происходит повторная реализация словообразовательной модели. Круг потенциальных референтов универба ограничен лишь сочетательными возможностями производящего прилагательного. Повторные отадъективные наименования могут обозначать как лицо, так и предмет, причем для большинства анализируемых универбов характерно совмещение предметных и «личных» значений в пределах одной лексемы. Как правило, первичным является предметное или признаковое значение, а вторичным – значение лица.

Как уже отмечалось, значение признака свойственно всем производным, образованным способом универбации. Однако с точки зрения характера мотивации анализируемые единицы неоднородны. В одной группе лексико-семантических вариантов преобладающим является признаковое значение мотивирующего прилагательного, в другой – предметное мотивирующего существительного. Более тесную связь с производящим устойчивым словосочетанием сохраняют лексико-семантические варианты конкретно-предметного типа (*экслюзив* ‘экслюзивное право’, *пилот* ‘пилотный проект’). Труднее соотнести с конкретным словосочетанием неологические значения производных существительных с неопределенным референциальным статусом типа *примитив* ‘нечто примитивное’, *экслюзив* ‘нечто эксклюзивное’, *интим* ‘нечто интимное’. Универбы данного типа эквиваленты отвлечённым существительным. Таким образом, в семантической структуре неологических универбов могут совмещаться значения предикатного и идентифицирующего типа.

Специализация значения при повторной реализации словообразовательной модели проявляется на синтаксическом уровне: так, значение эмоционального состояния реализуется в сочетании с обладающими предельно широкой семантикой глаголами ощущения и внешнего проявления психологического состояния (*чувствовать, испытывать, транслировать*) или в составе предложно-падежных конструкций: (*быть, находиться*) *на позитиве, в неадекватности*.

Выводы. Одним из проявлений идеологических и понятийно-концептуальных изменений в русском языке является семантическая трансформация производных слов, при которой одна и та же словообразовательная модель с тем же самым морфемным составом используется для называния разных означаемых. Вовлечение универбов в процесс повторной деривации объясняется, на наш взгляд, словообразовательной спецификой универбации, при которой именной компонент производящего атрибутивно-субстантивного словосочетания морфемно не представлен в производном.

Активизация употребления в современном русском языке полисемантических неологизмов-универбов описываемого типа поддерживается интернациональным характером мотивирующих прилагательных, отсутствием в их морфемной структуре

стилистически окрашенных аффиксов, что обуславливает стилистическую дифференциацию данных лексических единиц. Многие полисемантические универбы сочетают в своей семантической структуре терминологические и общеупотребительные лексические значения. Кроме того, неологические универбы широко используются как средство выражения эмоционально-экспрессивного содержания. Как показывают контексты НКРЯ, оценочное значение универбов может усиливаться при распространении прилагательными со значением интенсивности признака.

Таким образом, мотивированные «модными» прилагательными универбы являются удобным средством обозначения и характеристики актуальных реалий, выражающих ценности общества потребления: идею высокого социального статуса, коммерческого использования, демонстративной успешности и т.п.

Литература

References

Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык: (грамматическое учение о слове) : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов*. Москва: Высш. школа, 613 с.

Виноградова, В. Н. (1984). *Стилистический аспект русского словообразования*. Москва: Наука, 184 с.

Гвоздева Е. В. (2018). К вопросу о месте универбов и способах их описания в Толково-словообразовательном словаре. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Русская филология*, 2, 26–33.

Дозорова, Д. В. (2015). Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2(2), 392–396.

Ермакова, О. П. (2008). Активные процессы в лексике и семантике. *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: 33-99.

Земская, Е. А. (1981). *Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва: Наука, 276 с.

Капанадзе, Л. А. (1973). Номинация. *Русская разговорная речь*. Москва: 403-481.

Конопкина, Е. С., & Лунина, Т. П. (2021). Усечение как способ компрессивного словообразования. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 2(31), 107–111.

Копоть, Л. В. (2008). *Универбы в русской разговорной речи: структура и семантика* : на материале журнала «За рулём». Адыгейский государственный университет. Майкоп: 62 с.

Костомаров, В. Г. (1995). Слово беспредел и активизация иных бессуффиксных существительных. *Филологический сборник: (к 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова)*. Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 254-261.

Кронгауз, М. (2018). *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 512 с.

Кубрякова, Е. С. (2008). *Типы языковых значений: семантика производного слова*. Москва: URSS, 198 с.

Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, Электронный ресурс <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс <http://www.ruscorpora.ru>

Нещименко, Г. П. (2010). Тенденция языковой экономики как фактор динамики литературной нормы. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова,

Cin'syan, V. (2019). *Russian neologisms-univerbs: methods of education, semantics, features of functioning*. Saint Petersburg, Svet Publ., 2019. 226 p. (In Russian).

Dozorova, D. V. (2015) Word-formation models of univerbats in modern Russian. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2(2), 392–396. (In Russian).

Ermakova, O. P. (2008). Active processes in vocabulary and semantics. *Sovremenniy russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX – XXI vekov [Modern Russian language. Active processes at the turn of the 20th–21st centuries]*. Moscow: 33–99. (In Russian).

Gvozdeva, E. V. (2018). On the question of the place of univerbes and methods of their description in an explanatory-derivational dictionary. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2, 26–33. (In Russian).

Kapanadze, L. A. (1973). Nomination. *Russian colloquial speech*. Moscow: 403–481. (In Russian).

Konopkina, E. S., & Lunina, T. P. (2021). Truncation as a method of compressive word formation. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2(31), 107–111. (In Russian).

Kopot', L. V., (2008). Univerbs in Russian colloquial speech: structure and semantics: based on the material of the magazine "Za rul'om". Майкоп. 62 p. (In Russian).

Kostomarov, V. G. (1995). The word bespredel and activation of other non-suffix nouns *Filologicheskiy sbornik: (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Vinogradova) [Philological collection: (on the 100th anniversary of the birth of V. V. Vinogradov)]*. Moscow: 254–261. (In Russian).

Krongauz, M. (2018). *The Russian language is on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: AST: CORPUS Publ. 512 p. (In Russian).

Kubriakova, E. S. (2008). *Types of language values. Semantics of a derived word*. Moscow, URSS Publ. 198 p. (In Russian).

Kuznetsov S. A. (Ed.). (1998). *The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. First edition: Saint Petersburg, Norint Publ. Published in the author's edition in 2014. Retrieved from <http://www.gramota.ru> (In Russian).

National Corpus of the Russian language. Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru>

Neshchimenko, G. P. (2010). The tendency of language economy as a factor of the dynamics of the literary norm. *Novyye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovaniye: doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov [New phenomena in Slavic word formation: system and functioning: reports of the 11th International scientific conference of the Commission on Slavic word formation at the International Committee of Slavists]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 24–26, Moscow: 116–134. (In Russian).

Novikov, VI. (2019). *Dictionary of fashionable words. The linguistic picture of modernity*. Moscow: Slovar' XXI veka Publ., 252 p. (In Russian).

филологический факультет, 24-26 марта 2009 года. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический фак. Москва: 116-134.

Новиков, Вл. (2019). *Словарь модных слов. Языковая картина современности*. Москва: Изд-во «Словарь XXI века», 252 с.

Ольховская, А. И. (2016). *Активные процессы в современном русском языке*. Лондон: Электронный ресурс http://pushkin.institute/news/Olkhovskaya_Active%20processes%20in%20Russian1.pdf

Осипова Л. И. (2000). *Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-90-х годов*. Москва: 230 с.

Осипова, Л. И. (2014). *Имена существительные – универбы в русской разговорной речи*. Москва: ГБОУ ВПО МГПУ, 239 с.

Сенько, Е. В. (2007). *Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект*. Санкт-Петербург: Наука, 354 с.

Скляревская, Г. Н. (Ред.). (2008). *Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : около 8500 слов и устойчивых словосочетаний*. Москва: Эксмо, 1131 с.

Циньсян, В. (2019). *Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования*. Санкт-Петербург: Свет, 226 с.

Шведова Н. Ю. (Ред.). (1980). *Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука, 783 с.

Ol'khovskaya, A. I. (2016). *Active processes in modern Russian*. London: Retrieved from http://pushkin.institute/news/Olkhovskaya_Active%20processes%20in%20Russian1.pdf

Osipova, L. I. (2000). *New words in the Russian language: feminine suffixal univerbs with the suffix -k-a*. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 60–90s. Moscow: 230 p. (In Russian).

Osipova, L. I. (2014). *Nouns are univerbs in Russian colloquial speech*. Moscow, Moscow City University Publ. 239 p. (In Russian).

Sen'ko, E. V. (2007). *Neologization in modern Russian: an inter-level aspect*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 354 p. (In Russian).

Shvedova N. Yu. (Ed.). (1980). *Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka Publ., 783 p. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the 21st century*. Moscow, Eksmo Publ., 1131 p. (In Russian).

Vinogradov, V. N. (1984). *The stylistic aspect of the Russian word formation*. Moscow: Nauka Publ., 184 p. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1972). *The Russian language (grammatical teaching about the word): a textbook for students of philological specialties of universities*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 613 p. (In Russian).

Zemskaya, E. A., (1981). *Russian colloquial speech: General questions*. Word formation. Syntax. Moscow: Nauka Publ., 276 p. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Батулина, А. В. (2023). Инновации в области оценки: семантические трансформации неологических универбов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 48–60. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-48-60

For citation:

Batulina, A. V. (2023). Innovations in the field of evaluation: semantic transformations of neological univerbs. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 48–60. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-48-60